

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Бритва в киселе

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615595
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... Но с полдороги случилось маленькое происшествие: мрачный, сонный парень молниеносно сошел с ума... Ни с того, ни с сего он вдруг почувствовал прилив нечеловеческой энергии: привстал на козлах, свистнул, гикнул и принялся хлестать кнутом лошадей с таким бешенством и яростью, будто собирался убить их. Обезумевшие от ужаса лошади сделали отчаянный прыжок, понесли, свернули к краю дороги, налетели передним колесом на большой камень, линейка подскочила кверху, накренилась набок и, охваченная от такой тряски морской болезнью, выплюнула обоих пассажиров на пыльную дорогу. ...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	9
Глава IV	10
Глава V	11
Глава VI	13
Глава VII	14
Глава VIII	16
Глава IX	18
Глава X	19
Глава XI	20
Глава XII	21

Аркадий Аверченко

Бритва в киселе

Глава I

Два раза в день из города Калиткина в Святогорский монастырь и обратно отправлялась линейка, управляемая грязноватым, мрачноватым, глуповатым парнем.

В этот день линейка приняла только двух, незнакомых между собой, пассажиров: драматическую артистку Бронзову и литератора Ошмянского.

Полдороги оба, по русско-английской привычке, молчали, как убитые, ибо не были представлены друг другу.

Но с полдороги случилось маленькое происшествие: мрачный, сонный парень молниеносно сошел с ума... Ни с того, ни с сего он вдруг почувствовал прилив нечеловеческой энергии: привстал на козлах, свистнул, гикнул и принялся хлестать кнутом лошадей с таким бешенством и яростью, будто собирался убить их. Обезумевшие от ужаса лошади сделали отчаянный прыжок, понесли, свернули к краю дороги, налетели передним колесом на большой камень, линейка подскочила кверху, накренилась набок и, охваченная от такой тряски морской болезнью, выплонула обоих пассажиров на пыльную дорогу.

В это время молниеносное помешательство парня пришло к концу: он сдержал лошадей, прыгнул с козел и, остановившись над поверженными в прах пассажирами, погрузился в не оправдываемую обстоятельствами сонную задумчивость.

– Выпали? – осведомился он.

Литератор Ошмянский сидел на дороге, растирая ушибленную ногу и с любопытством осматривая продранные на колене брюки. Бронзова вскочила на ноги и, энергично дернув Ошмянского за плечо, нетерпеливо сказала:

– Ну?!

– Что такое? – спросил Ошмянский, поднимая на нее медлительные ленивые глаза.

Тут же Бронзова заметила, что эти глаза очень красивы...

– Чего вы сидите?

– А что?

– Да делайте же что-нибудь!

– А что бы вы считали в данном случае уместным?

– О, Боже мой! Да я бы на вашем месте уже десять раз поколотила этого негодяя.

– За что?

– Боже ты мой! Вывалил нас, испортил вам костюм, я ушибла себе руку.

Облокотившись на придорожный камень, Ошмянский принял более удобную позу и, поглядывая на Бронзову снизу вверх, заметил с ленивой рассудительностью:

– Но ведь от того, что я поколочу этого безнадёжного ду-

рака, ваша рука сразу не заживет и дырка на моих брюках не затянется?

– Боже, какая вы мямля! Вы что, сильно расшиблись?

– О, нет, что вы!..

– Так чего же вы разлеглись на дороге?

– А я сейчас встану.

– От чего это, собственно, зависит?

– Я жду прилива такой же сумасшедшей энергии, как та, которая обуяла пять минут назад нашего возницу.

– Знаете, что вы мне напоминаете? Кисель!

Ошмянский заложил руки за голову, запрокинулся и, будто обрадовавшись, что можно еще минутку не выходить из состояния покоя, спросил:

– Клюквенный?

– Это неважно. Выплеснули вас на дорогу, как тарелку киселя, – вы и разлились, растеклись по пыли. Давайте руку... Ну – гоп!

Он встал, отряхнулся, улыбнулся светлой улыбкой и спросил:

– А теперь что?

– О Боже мой! Неужели вы так и смолчите этому негодяю?! Ну, если у вас не хватает темперамента, чтобы поколотить его, – хоть выругайте!

– Сейчас, – вежливо согласился Ошмянский. Подошел к вознице и, свирепо нахмурив брови, сказал:

– Мерзавец. Понимаешь?

– Понимаю.

– Вот возьму, выдавлю тебе так вот, двумя пальцами, глаза и засуну их тебе в рот, чтобы ты впредь мог брать глаза в зубы. Свинья ты.

И оставив оторопевшего возницу, Ошмянский отошел к Бронзовой.

– Уже.

– Видела. Вы это сделали так, будто не сердце срывали, а неприятный долг исполнили. Кисель!

– А вы – бритва.

– Ну – едем? Или вы еще тут, на дороге, с полчаса по-лежите? Поехали.

Глава II

В Святогорском монастыре гуляли. Потом пили чай. Потом сидели, освещенные луной, на веранде, с которой открывался вид верст на двадцать. Говорили...

Какая внутренняя душевная работа происходит в актрисе и литераторе, когда они остаются вдвоем в лунный теплый вечер, – это мало исследовано... Может быть, общность служения почти одному и тому же великому искусству сближает и сокращает все сроки. Дело в том, что когда литератор взял руку актрисы и три раза поцеловал ее, рука была отнята только минут через пять.

Глава III

На другой день Ошмянский пришел к Бронзовой в гостиницу «Бристоль», № 46, где она остановилась. Пили чай. Разговаривали долго и с толком о театре, литературе.

А когда Бронзова пожаловалась, что у нее болит около уха и что она, кажется, оцарапалась тогда благодаря тому дураку о камень, Ошмянский заявил, что он освидетельствует это лично.

Приподнял прядь волос, обнаружил маленькую царапину, которую немедленно же и поцеловал.

Действенность этого, неизвестного еще в медицине средства могла быть доказана хотя бы тем, что в течение вечера разговоры были обо всем, кроме царапины.

Когда Ошмянский ушел, Бронзова, закинув руки за голову, прошептала:

– Милый, милый, глупый, глупый!

И засмеялась.

– И однако он, кажется, порядочная размазня... Женщина из него может веревки вить.

Закончила несколько неожиданно:

– А оно, пожалуй, и лучше.

Глава IV

Прошло две недели. Гостиница «Бристоль».

На доске с перечислением постояльцев против № 46 мелом написаны две фамилии: «Ошмянский. Бронзова».

Глава V

В августе оба уезжали в Петроград. В купе, под убаюкивающее покачивание вагона, произошел разговор:

– Володя, – спросила Бронзова. – Ты меня любишь?

– Очень. А что?

– Ты обратил внимание на то, что некоторые фамилии, когда их произносишь, носят в себе что-то недосказанное... Будто маленькая комнатка в три аршина, в которой нельзя и шагнуть как следует... Только разгонишься и уже – стоп! Стена.

– Например, какая фамилия?

– Например, моя – Бронзова.

– Что же с этим поделаться?..

– Есть выход: Бронзова-Ошмянская. Это будет не фамилия, а законченное художественное произведение. Не эскиз, не подмалевка, а ценная картина...

– Я тебя не понимаю.

– Володя... Я хочу, чтобы ты на мне женился.

– Что за фантазия?.. Разве нам и так плохо?

Его ленивые, сонные веки медленно поднялись, и он ласково и изумленно поглядел на нее.

– Если ты меня любишь, ты должен для меня сделать это...

– А ты не боишься, что это убьет нашу любовь?

– Настоящую любовь ничто не убьет.

– А ты знаешь, что я из мещанского звания? Приятно это будет?

– Если ты так говоришь, то ты не из мещанского звания, а из дурацкого. Ну, Кисель, милый Кися, говори: женишься на мне?

– Видишь ли, я лично против этого, я считаю это ненужным, но если ты так хочешь – женюсь.

– Вот сейчас ты не Кисель! Сейчас ты энергичный, умный мальчик.

Она поцеловала его, а вечером, причесывая на ночь волосы, счастливая, подумала: «Уж если я чего захочу – так то и будет. Милый, мой милый Кися...»

Глава VI

Бронзова впервые приехала к Ошмянскому в его петроградскую квартиру и пришла от нее в восторг:

– Всего три комнаты, а как мило, уютно...

Она под села к нему ближе, подкрепила силы поцелуем и, глядя его волосы, спросила:

– Володя... А когда же наша свадьба?

– Милая! Да когда угодно. Вот только получу из Калиткинской управы документы – и сейчас же.

– А без них нельзя?

– Глупенькая, кто же станет венчать без документов? Там паспорт, метрическое...

– А зачем они лежат там?

– Документы-то? Паспорт для перемены отослал, а метрическое у тетки.

– Значит, ты это сделаешь?

– Она еще спрашивает! Чье это ушко?

– Нашего домохозяина.

– Ах, ты, мышонок

.....

.....

Глава VII

Снова сидела Бронзова у Ошмянского... Он целовал ее волосы, и у него на горячих губах таяли снежинки, запутавшиеся в волосах и не успевшие еще растаять.

Потому что был уже декабрь.

– Володя...

– Да?

– Ну, что же с документами?

– С какими? Ах, да! Все собирался. Надо действительно будет поскорее написать. Завтра утром обязательно напишу.

– Спасибо, милый!.. Володя...

– Да?

– Ты хотел бы, чтобы мы вместе жили?

– Вместе? Это было бы хорошо.

– Хочешь ко мне переехать?

– Нет, что ты... Ведь я тебя стесню. Ты дома работаешь, разуливаешь роли, а я только буду тебе мешать...

– Володя... Ну, я к тебе перееду... Хочешь?

– Дурочка! Да ведь у меня еще теснее. Я пишу, ты разуливаешь роли, – оба мы будем друг другу мешать... Пони-маешь, иногда хочется быть совершенно одному со своими мыслями.

Она притихла. Отвернулась и молчала – только плечи ее тихо вздрагивали.

– Катя! Ты плачешь? Глупая... Из-за чего, право?.. Это такой пустяк!

– М...не та-ак хо-те-лось...

– Ну хорошо, ну, будет по-твоему... Переезжай.

– Милый! Ты такой хороший, добрый...

И сквозь слезы, как солнце сквозь капли дождя, проглянула счастливая улыбка...

Глава VIII

Сидели в ресторане: Бронзова, Ошмянский и приятель, Тутыкин.

– Володя! Ну что, получил уже документы?

– Понимаешь, написал я все честь-честью – и до сих пор никакого ответа. Работы у них много, что ли?.. У нас теперь что? 14-е февраля? Ну, думаю, к концу месяца вышлют.

– Напиши им еще.

– Конечно, напишу.

Она посмотрела на него ласковым, любящим взором и сказала:

– А знаешь, что тебе очень пошло бы? Бархатная черная куртка. У тебя бледное матовое лицо, и куртка будет очень эффектна. Закажи. Хорошо?

– Да когда же я ее буду носить?

– Когда угодно! Ты ведь писатель – и имеешь право. В гости, в театр, в ресторан...

– Не слишком ли это будет бить на дешевый эффект?..

– Нет, нет! Володя... Я хочу!

– Ну, если ты хочешь, не может быть никакого разговора. Закажу.

В ту же ночь приятель Тутыкин, сидя в дружеской компании, говорил, усмехаясь:

– Совсем погибла эта размазня Ошмянский! Попал в лапы

такой бабы, что она его в бараний рог скрутила.

– Красивая?

– Красивая. И острая, как бритва.

Глава IX

Когда Бронзова и Ошмянский вышли из ресторана, он сказал ей очень нежно:

– Катя... Я тебя завезу к нам домой, а сам поеду...

– Куда же? Ведь клуб уже закрыт.

– А... видишь... Мне пописать хочется. Настроение нашло.

– Ну-у-у?

– Ах, да! Я тебе не говорил! Понимаешь, я снял две маленьких комнатки и иногда утром, иногда днем удаляюсь туда поработать. Тихо, хорошо.

– Володя! – всплеснула руками Бронзова. – Да ведь это выходит, что я выгнала тебя из твоей квартиры?

– Ну, что ты... Какой вздор! Просто я иногда должен оставаться один. Знаешь, мы ведь, писатели, преоригинальный народ! Я заеду сейчас с тобой к нам и заберу кое-что: письменный прибор, лампу и одеяло. Подушки там есть.

Глава X

– Володя! Заказал куртку?

– Да, был я у портного... Так мы ни до чего и не договорились. Он, видишь ли, не знает, какой фасон... и вообще.

– Ну, едем вместе! Сейчас мы это все и устроим! Эх ты, кисель мой ненаглядный... Документы уже получил?

– Написал снова. Боюсь, не затерялись ли они где-нибудь.

На почте, что ли?!

– Дома сегодня будешь?

– То есть где? У тебя? Да. Заеду чайку напиток. А потом к себе покачу: повесть нужно закончить... У себя же и заночую...

Глава XI

– Смотри, Володя, как кстати: мы собираемся к Тутыкиным, и тебе принесли бархатную куртку. Воображаю, как она тебе к лицу. Надень-ка ее. И я пойду переодеться.

Бронзова ушла, а Ошмянский взял куртку, положил ее на диван и потом, взяв перочинный нож, распорол под мышкой прореху вершка в два.

Сделав печальное лицо, пошел к Бронзовой.

– Чтоб его черти съели, этого портного! Сделал такой узкий рукав, что он под мышкой лопнул.

– Ну, давай я зашью.

– Стоит ли? Опять лопнет. Тем более что воротнички без отворотов у меня дома, а на этот воротничок – надеть трудно...

Глава XII

Ошмянский только что приготовил бумагу для рассказа и вывел заглавие, как в комнату постучались.

– Кто там?

Дверь скрипнула – вошла Бронзова. Она была очень бледна, только запавшие глаза горели мрачным, нехорошим огнем.

– Прости, что я врываюсь к тебе. Ведь эти комнаты, я знаю, ты снял специально для того, чтобы быть одному... Но – не бойся. Я пришла сюда в первый и последний раз...

– Катя! Что случилось?

– Что? – Она упала головой на спинку кресла и горько заплакала. – Что? – Улыбнулась печально сквозь слезы и пошутила: – Ты победил меня, Галилеянин...

– Катя! Чем?!.. Что ты говоришь?

– Ну, полно... Все равно я уйду уже навсегда, и поэтому довольно всяких разговоров и вопросов... Помнишь, при первом знакомстве я назвала тебя киселем, а ты меня бритвой. Пожалуй, так оно и есть. Я – бритва, я хотела, чтобы все было по-моему, я мечтала о счастье, я знала, что ты безвольный кисель, и поэтому мое было право – руководить тобой, быть энергичным началом в совместной жизни... Но что же получилось? Бритва входила в кисель, легко разрезывала его, как и всякий кисель, и кисель снова сливался за ее

спиной в одну тягучую, аморфную массу. Бритва может резать бумагу, дерево, тело, все твердое, все определенное – но киселя разрезать бритва не может! Я чувствую, что я тону в тебе, и поэтому ухожу!

– Катя, голубка! Что ты! Опомнись. Ну, побрани меня. Но зачем же уходить? Разве я не любил тебя? Не поступал, как ты хотела?

– Молчи!! Знаешь, как ты поступал? Я хотела, чтобы мы поженились – прошло одиннадцать месяцев – где это? Я хотела, чтобы мы жили вместе – ты согласился... Где это? Пустяк: мне хотелось видеть тебя в бархатной куртке – носишь ты ее? Что вышло?! О, ты со всем соглашался, все с готовностью обещал. Но что вышло... Я, женщина с сильным характером, энергичная, самостоятельная, была жалкой игрушкой в твоих руках! Прочь! Не подходи ко мне!!! Ну?

Он протянул к ней руки, но она взглянула на него испепеляющим взглядом, повернулась и – ушла. Навсегда.

Одну минуту он стоял ошеломленный. Потом потер голову, подошел к письменному столу и склонился над чистой бумагой.

Долго сидел так. Потом пробормотал что-то. Неясное, нечленораздельное бормотание скоро стало принимать форму определенных слов. И даже рифмованных...

«В один чудесный день,
Когда ложилась тень,

Ко мне пробрался кирасир...»

А потом это бормотание перешло в мелодичный свист, и Ошмянский с головой погрузился в работу...